

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ РОССИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Алексей Кожемяков*

DOI 10.24833/2073-8420-2018-2-47-98-107

Введение. В статье сформулированы некоторые из основных особенностей российской политической культуры, в частности, сформировавшиеся за столетие, прошедшее со времен Великой русской революции 1917 года. Вместе с тем, отмечено и то, что корни политической культуры не являются простым «слепком» с «Октября», последующей и текущей истории и особенностей практики политического режима, а лежат гораздо глубже, имея, в том числе, онтологические составляющие. Основные черты российской политической культуры (автор не ставил задачи в рамках статьи сделать их исчерпывающий перечень) даётся в увязке с практикой осуществления политики и управления в России. В статье поднят также такой концептуально важный вопрос, как соответствие доминантной политической культуры российского общества осуществляемым радикальным преобразованиям (советизации и модернизации), который не теряет в России своей значимости, начиная с 1917 года, вплоть до современности.

Материалы и методы. В основе методологии работы лежат общетеоретические воззрения российских и зарубежных авторов, касающиеся понятия «политическая культура» и его значения в политике. Предпринята попытка, используя методы политической социологии, составить логически взаимосвязанный перечень основных особенностей российской политической культуры, кратко проиллюстрировав его фактологическим материалом и сопутствующими политико-идеологическими комментариями.

Результаты исследования. Основным объём статьи посвящен описанию главных особенностей («несущих конструкций») современной российской политической культуры. Представляется, что они способны существенно расширить «поле интерпретаций» внутриполитического развития России за последнее столетие, дадут возможность по-иному взглянуть на некоторые традиционные оценки событий российской истории, а также учесть эти особенности при оценке настоящего и будущего страны.

Обсуждение и заключение. Помимо перечисления основных черт российской политической культуры, в статье проводится мысль о том, что «политическая культура» - это не некий абстрактный политологический концепт, но одно из ключевых «операционных понятий» для сферы практической политики и управления. Адекватная оценка её состояния существенно влияет на итоговые результаты политических преобразований и эффективность текущей политики (в статье приводится, в качестве примера, заочный спор Плеханова и Ленина о целесообразности «социалистической революции в России»). Представляется, что здесь ставится весьма важный для современной российской истории и системы управления вопрос о том, в какой степени состояние на-

* Кожемяков Алексей Семёнович, доктор юридических наук, приглашенный профессор Института международных отношений и управления МГИМО МИД России
ORCID ID: 0000-0002-1043-9549
e-mail: akozhemyakov@inbox.ru

ациональной политической культуры, отражаемой, в частности, через опросы общественного мнения, соответствует очередным (проводимым, или планируемыми) масштабным преобразованиям в рамках «российской модернизации».

В заключение ставится открытый вопрос о влиянии особенностей политической культуры России на её внешнюю политику, который автор предполагает рассмотреть в отдельной статье.

Введение

Азбучное «все мы родом из своего детства» делает на первый взгляд размышления и ответ на вопрос, как изменилась политическая культура России за прошедшие сто лет, очевидным¹. Действительно, история, как и каждый момент из прошлого, неизбежно оставляют некий «отпечаток» в настоящем, мы незримо несем их с собой. Ученые – психологи, принимая во внимание устойчивость некоторых поведенческих (и когнитивных) структур, напротив, все более склоняются к тому, что их действие весьма сложно и устойчиво, вводя понятие «коллективного субъекта» [3] (напомню, что понятие «политической культуры» включает в себя как рациональный (идеология), так и аффективный (психология) уровни) [6. С. 34]. На уровне здравого смысла это кажется очевидным и универсальным подходом, касательно как отдельных людей, так и государств. Однако заметно, что в сфере политики этот верный, но не исчерпывающий, а чаще просто «одномерный» подход отнюдь не всегда работает, а если работает, то далеко не линейно. Это особенно наглядно проявляется, если сопоставить очевидное многообразие политических культур отдельных стран в мире, а только с учетом своеобразия каждой из них может и должна строиться ответственная и нацеленная на перспективу политика как внутренняя, так и внешняя, равно как и сопутствующее им право.

Россия в 1917 году – тотальная ломка и воспроизводство констант политической культуры

Сказанное тем более верно для России, пережившей в 1917 году не просто смену формы

власти и системы управления², но настоящий революционный разрыв с прошлым (адептам сделанного по случаю столетия Революции «открытия», что-де «февраль» и «октябрь» были лишь «двумя этапами одной революции» (видимо, по логике: «за понедельником неизбежно приходит вторник»), следует вспомнить принципиальную разницу задач и в ещё большей степени последствий каждого из этих двух этапов). В отличие от «февраля», «октябрь» принципиально и масштабно, буквально «по всем фронтам», разорвал преемственность в истории российского государства (но не инерционной по природе ментальности общества (традиций «политической культуры», о чем вспомнили много позднее). Более того, столь же радикальный разрыв был провозглашен и по отношению ко всему остальному миру, прежде всего западному, в который до того, с разной степенью успеха, была вписана и Россия. После «Октября» без всякого преувеличения для России (и в определенной степени всего мира) началось «новое время». Символическим (и, кстати, сугубо культурологическим, находящимся вне политической рациональности) подтверждением этого перелома стали и смена календаря, и реформа орфографии и перенос столицы (последний диктовался, впрочем, очевидными соображениям военной безопасности, хотя не только). В стороне от знаковых перемен осталось, разве что летоисчисление и название месяцев, не повторившее в этом масштабном «отречении» французских революционеров-предшественников, которых столь чтили «пламенные большевики». Никто даже не пытается сегодня особо вникнуть - с какой целью всё это было сделано, тем более в столь критический момент становления нового го-

¹ Большинство исследователей как в России, так и за рубежом склонны интерпретировать ситуацию достаточно схематично: «российская политическая культура» сложилась за столетия «абсолютизма», усугубленные за 70 лет «русского коммунизма-тоталитаризма». Перемены, начатые «перестройкой» и продолженные с 1992 года, просто «исправляют положение», и Россия возвращается (не без трудностей, примером которых предстает последних т.н. «режим Путина») на «обществоцивилизационный» путь. Из подобного схематизма прорываются и инфантильные, рассчитанные на покровительственное понимание за рубежом, самооправдательные интерпретации: современная Россия – страна молодая, ей всего 25 лет...

² Интересны в этой связи следующие работы [8, 9, 10].

сударства. Однако некие «константы» всё же остались, хотя и прошли через кардинальное переформатирование внешних форм (от царя к генеральному секретарю).

О значимости адекватного представления о «политической культуре» собственной страны, как и об их практических последствиях весьма уместно вновь напомнить в связи с (быстро «свернутого» в медийном пространстве, но на деле продолжающимся) осмыслением причин и последствий Русской революции 1917 года. Ведь именно намеренное игнорирование Лениным предупреждений Плеханова (и других «бывших союзников») о «неготовности российского общества к социализму» (речь шла не только о хозяйственной отсталости аграрной страны, но и об уровне образованности массового общества и отсутствии у населения политической культуры в её сегодняшнем понимании) и породило большинство последствий «октябрьского переворота», предопределило немалую часть всей драматичной истории «советского периода». Однако вопрос принципиальной возможности достижения столь масштабных преобразований при данной «политической культуре» (изъятый из серьёзного рассмотрения в советский период, в силу того, что Плеханов оказался в итоге прав в исторической перспективе, в своей критике планов Ленина, объявившего в апреле 1917 курс на «социалистическую революцию») имеет первостепенное значение³. Проводя, возможно, излишне смелую историческую параллель, вспомним, что и философ Александр Зиновьев оказался прав в тоже заочном споре-предостережении, сделанном им в 1988 году лидерам «перестройки», о том, что при данных социально-мировоззренческих условиях, доминантных в советском обществе, она может закончиться только «катастрофкой» (что и произошло в декабре 1991 г.). В итоге, столетний опыт нашей истории наглядно подтвердил (и продолжает подтверждать, если взглянуть на планы перемен в системе пенсионного законодательства в июле 2018 года), что она обладает одной важной особенностью: управленческие (а по сути политические) решения далеко не всегда

принимают во внимание (либо не способны спрогнозировать) их последствия, связанные с константами и производными параметрами российской «политической культуры». Такое положение настоятельно требует, чтобы некоторые из воспринятых из прошлого, а также и установившихся после Революции 1917 года констант «политического поведения» (как явленной ипостаси «политической культуры») следует не просто не забывать, но и ставить во главу угла при взгляде на день грядущий (планируемые перемены).

Прекрасной иллюстрацией такого «концептуального запаздывания по фазе» (нежелания, или неспособности учесть массовую политическую культуру) стала дискуссия известных российских интеллектуалов в связи со столетием Революции (речь идет о сборнике «Страсти вокруг Октября») [7]. Для нашей темы наиболее значимыми видятся некоторые мысли из статьи А.С. Ципко, последовавшей за этим сборником (А.С. Ципко проанализировал его содержание через сопоставлении со взглядами, изложенными в известном сборнике «Из глубины», созданном российской же интеллигенцией ровно сто лет тому назад - в 1918г.). «Эволюционирует ли русское политическое сознание?» – так можно резюмировать вопрос, к которому в ходе статьи обращается именитый со времен «перестройки» автор. Приведем его же ответ: «Самое поразительное, с моей точки зрения, что преодоление безграмотности населения, массовое высшее образование ничего не изменили в русском национальном характере. Сравните то, что пишет о дефектах русского национального сознания процитированный выше Николай Бердяев, с тем, что говорит о «русском архетипе» Яков Миркин (один из авторов сборника «Страсти вокруг Октября» - АК), – существенных различий вы не увидите» [4; 7]⁴. Попытаемся разобраться в причинах столь парадоксальной, на первый взгляд, ситуации.

Политическая культура: некоторые аспекты теории

В политологии и политической теории (начиная с хрестоматийных работ Г. Алмон-

³ Весьма убедительное научно-публицистическое рассмотрение этой темы (включая и сегодняшние её отголоски) дано в статье Геннадия Постнова «Плеханов и Ленин. Неоконченный спор» - журнал «Знание – сила», № 4, 2017. И хотя автор не использует концепта «политическая культура» (предпочтя ему несколько старомодное выражение «общественные нравы»), это не меняет сути дела: именно отсутствие даже базового образования у массы населения России (не говоря уже о политической, экономической, правовой и межличностной культуре общения) стало причиной последующих событий советской истории (не спасла дело и скоропалительная «культурная революция»).

⁴ И всё же разница между авторами сборников «Из глубины» и «Страсти вокруг Октября» есть, и состоит она, по мнению А.С. Ципко, в том, что первые, при всем критическом отношении к русскому народу, верили в чудо воскрешения его духа, а нынешние авторы в это чудо уже, похоже, чаще не верят.

да и С. Вербы [1], впервые разработавших в 60-е годы типологию «политических культур» (приходская, подданническая, культура участия), как «систему ориентаций, установок и образцов политического поведения») эти вопросы были, казалось, обстоятельно и достаточно полно рассмотрены. Вместе с тем, наполнение предложенной типологии конкретным содержанием в случае каждой, отдельно взятой страны, принадлежащей к различным цивилизациям, с существенно разным историческим опытом, представляется уже самостоятельной и отнюдь не столь тривиальной задачей.

В российской политической науке с тех пор сформировались и новые, самостоятельные взгляды на «политическую культуру», имеющие иную философско-методологическую основу. Так, в частности, как считают российские авторы В. Сергеев и Н. Бирюков, для каждой крупной социальной общности (и в какой-то степени, народа) «политическая культура» является весьма сложной производной от неких ещё более общих концептуальных моделей. Они включают в их число: - онтологию (устоявшееся и не подверженное быстрым переменам «предпонимание» - на обыденном уровне выраженное словами «у нас так принято считать»); - связанные с ней ценности (к ним обращаются для оперативного решения вопроса о «приемлемости», или «не приемлемости» каждой данной ситуации); и, наконец, - исторический опыт (а точнее, следующая из него традиция операционных действий, т.е. устойчивых приемов поведения в типически схожих ситуациях) [2. С. 17, 242]. Иными словами, если Г. Алмонд и его последователи выстраивали типологию «политических культур» в рамках политической компаративистики, то второй упомянутый подход российских авторов, на мой взгляд, ориентирует скорее на политическую аналитику рассматриваемых ситуаций - наполнение каждой из реально существующих политических культур конкретным историческим и социологическим содержанием. Для современной России, всё ещё стоящей перед вопросом: «кто мы?», вторая задача видится сегодня гораздо более актуальной в практическом смысле.

Переводя этот сложный симбиоз взаимосвязанных факторов на более прикладной язык, важно учитывать, что, во-первых, элементы «политической культуры» в целом весьма устойчивы, во-вторых, они действуют не поодиночке, а только в совокупности, но в каждый момент истории с разной степенью

влияния и, в-третьих, сознание большинства людей откликается на них чаще всего как бы «автоматически» и «безотказно», отнюдь не всегда подвергаясь рефлексии и критическому осмыслению («у нас принято считать, что...мы обычно так думаем...» и т.п.). В силу этого, кстати, социологи международных отношений (С. Анхольт) давно подметили, что представления о других странах (к чему так чувствительна была и остается Россия во все времена) слабо коррелируют с вложенными в «национальный ре-брендинг» ресурсами - представления о «другом» меняются в массовом сознании крайне медленно (если вообще меняются). В некоторых случаях (и Россия тут лишь один из примеров такого постоянства), как правило, упускается из вида и то, что это постоянство существует не только во внешнем восприятии, но и в самом наблюдаемом объекте-стране (представление о своей собственной стране) - таково краткое резюме безусловно полезных для рассматриваемой темы взглядов этого весьма плодovitого автора.

В размышлениях и спорах об «особой судьбе» России и сформировавшейся в ней в XX веке политической культуре упомянутое выше «внешнее восприятие» имеет очевидное внешнеполитическое и внутриполитическое значение - почему мы (Россия), после как минимум, трёх радикальных смен «режимов» за сто лет, по-прежнему воспринимаемся как «иные», в частности нашими западными «партнёрами» («проблема России в том, что она воспринимается извне как «обуза», - считает, например, упомянутый С. Анхольт)? Является ли эта «инаковость» результатом недопонимания со стороны Запада (намеренного, или по незнанию), недостаточности «контрпропаганды» (отсюда появление в СССР АПН, а в наше время радио «Спутник» и телевидения RT), или логичным следствием некоего качественного отличия российской «политической культуры» (чаще воспринимаемого на Западе, как «негативное»)? И тут нам не поможет ни открытие всё новых исторических фактов о Революции (исходя из постулата, что всё, якобы, началось с неё и происходило под её влиянием), ни отсылки (чаще для самооправдания) к советскому периоду, ни даже самые новейшие интерпретации более удаленной во времени российской истории.

Для ответа на поставленный вопрос по необходимости надо обратиться к теоретическому осмыслению «политической культуры», расширив сферу научного поиска. При таком подходе важно подчеркнуть для нача-

ла главное, достаточно очевидное противоречие: если в области своего позиционирования в мире Россия регулярно и не без оснований напоминает о своей принадлежности к «европейской культуре», то из этих идеологических по сути деклараций (про общие христианские корни, взаимопроникновение языков, литературы, музыки, искусства, многовековые исторические связи между ней и западными странами и т.п.) практически всегда из поля рассмотрения полностью выпадает такая важная часть культуры, как интересующая нас в этой статье «политическая культура». Последняя, как бы «растворена» в общих, лозунговых референциях об «общности культурных основ» России и Запада. На деле же здесь - в области «политической культуры» у нас с Европой (и в целом, с Западом), если трезво-критически посмотреть на вещи, найдется мало чего общего (не развивая эту важную, но самостоятельную тему, возьмем лишь, к примеру, ново-российский парламентаризм, слабо пока укоренённый в социуме и реальной политике и схожий больше по форме, нежели по сути, с западным).

Важно также рассматривать современную «политическую культуру» России в более масштабном историческом промежутке: разумеется, она не только формировалась столетиями до 1917 года, но и претерпела определенную эволюцию за советские годы (хотя, серьёзные историки давно не описывают 74 года советской власти «одним цветом»). Не беря на себя смелость определить точное время зарождения той или иной особенности нашей «политической морфологии» (это могло бы стать предметом самостоятельного исследования), постараемся отметить лишь некоторые её очевидные «константы», которые и делают страну «другой», в сравнении с западной политической традицией. Вновь оговоримся: в статье не ставилось задачи сделать «исчерпывающий анализ» российской политической культуры, но представить вниманию читателя их главные, структурообразующие элементы.

Особенности российской политической культуры

Начать стоит с той особенности, которая позволила С. Хантингтону назвать Россию «*крупнейшей в мире разделённой цивилизацией*» (это отнюдь не его «открытие», но суммарная (и образно ёмкая) оценка взглядов многих российских и зарубежных авторов двух последних столетий). Эта черта во многом определяет внутреннюю, структурную противоречивость российского социума

и его политической культуры, формирует её как бы «двухполосную» морфологию (в этом же - главное отличие России от остальных западных (да и большинства восточных) политических культур). Ни в одной из них нет столь глубокого и затянувшегося на более чем два века внутреннего противостояния: групп, ориентированных на «передовой Запад» и тех, кто намерен искать некие «собственные пути и решения» - знаменитые «западники» и «славянофилы» (которые также существенно изменялись за, как минимум, два последних века). Эта константа (разумеется, в преобразованном виде) активно действует в российской политике и сегодня.

Вторая особенность, отмеченная сегодня на уровне уже даже «учебных пособий» [3. С. 87-102], формулируется как «*персонализация власти как особенность российской цивилизации*». За этой констатацией современного российского автора, воспроизведенной до него в огромном числе научно-публицистических работ, скрываются те главные пружины, которые столетиями формировали практику осуществления политической власти, а, следовательно, и «политическую культуру» страны. Здесь заложено почти всё для понимания «русской исключительности»: и вековая «сакрализация власти» Церковью (она действовала вплоть до 1917 года, но «инерция константы», как мы все наблюдаем по торжественным случаям, не исчезла и сегодня - напомним, «политическая культура» - это очень прочная конструкция), и персонализированное прочтение истории России, структурированной «по войнам, царям и императорам», и всё это для главного вывода - «перемены в России всегда были возможны только сверху». Вывод этот для специалистов по русской истории может показаться банальным, если бы за ним не следовал на практике весьма длинный и продолжительный во времени шлейф последствий для политической культуры и практики осуществления власти в стране. Они ощутимы в деятельности всей пирамиды власти и во все времена (несменяемость лидеров - от наследных царей-императоров до выборных (безальтернативных) генеральных секретарей и президентов, полновластие на местах - от губернаторов, до начальников райотделов полиции, устойчивое всевластие бюрократии сверху-дону, как и тенью следующие за всем этим «букетом» nepотизм и банальное кумовство, феодальная по своим корням клановость и неизбежная в таких условиях пандемическая коррупционность). Заметим, что никаких других существенных

«особенностей» политической культуры России (не путать с «политическим поведением») обычно не приводится, что убедительно продемонстрировал упомянутый в начале этого раздела учебник.

«Главное наше богатство – это люди!» – эта фраза, за последние сто лет (в разных лексических оформлениях при разных режимах) звучала в России при всех политических лидерах, исключением был, пожалуй, только ранне-постреволюционный период, с его упором на «пролетариат» и «мировую революцию»⁵. Примечательно, что слова эти звучали и в те долгие годы, когда массовая социальная неустроенность (голод, безработица, обнищание населения, жилищный кризис, низкие или не выплаченные зарплаты и т.п.) было практически нормой в России. Советская система оставила глубокую, казалось, безнадежную брешь между лозунгом «всё для человека» и его подчас тотальным, затяжным и, по необходимости, насильственным несоблюдением в реальной жизни. В этом видится третья константа российской политической культуры: *интересы государства, формулируемые властью, устойчиво превалировали над интересами личности* (граждан, народа, гражданского общества – термины варьировались, причем, что гораздо реже встречается в современной социальной истории в других странах, такое положение нередко разделялось и поддерживалось снизу)⁶.

«Внутренняя разделённость общества», «персонализация власти» и «превалирование интересов государства над личностью» являются, на мой взгляд, теми структуро-

бразующими конструкциями, под влиянием которых и сформировались все остальные особенности, свойственные российской политической культуре. В несистематическом (описательном) виде эти особенности упомянуты в многочисленных работах российских и зарубежных авторов. Выборочно упомянем лишь некоторые из оценок, взятых из этого многообразия мнений:

- «подданическая политическая культура» (обобщенная оценка, заимствованная многими у Г. Алмонда и С. Верба). Несмотря на её широкое тиражирование, подтверждающее «вечность» особого положения номенклатурно-бюрократической, или финансово-экономической элиты в России, бросается в глаза несоответствие этого тезиса нашей политической истории. Как совместить «подданическую политическую культуру» с, как минимум, четырьмя революциями в России в XX веке (а если учесть и ситуации «резкой смены вектора развития», то это число надо, как минимум удвоить!). Здесь, очевидно, требуется иной, социологический и политологический подход, вместо упрощенного видения Г. Алмонда и С. Верба;

- разрыв «слова и дела» (в политическом анализе первоначальный смысл этого выражения обретает сегодня «вторую жизнь», под которой понимается уровень соответствия «политических обещаний» и «практических действий», а что ещё важнее – «достигнутых результатов»;⁷

- упомянутое хроническое расхождение «слова и дела», идущее преимущественно от власти (и, повторюсь, нередко поддер-

⁵ Вместо «государство – это я!» Людовика XIV советская система подставила лукавое «государство – это мы!». Презумпция изначальной и полной идентичности интересов государства («идеального») и человека («реального») со временем подтвердила свою несостоятельность – такое «единодушие» в постоянно развивающемся человеческом обществе было невозможным. Не снято это противоречие и с принятием последней российской Конституции, прокламирующей приоритет личных интересов над государственными (впрочем, на мой взгляд, полностью эта проблема не решена нигде в мире, но это также – самостоятельная тема).

⁶ Основные причины такого положения обстоятельно разобраны в упомянутой выше работе Н.И. Бирюкова и В.М. Сергеева, название второй книги которой отражает переживаемый Россией противоречивый переход к современному обществу и формирование соответствующей ему политической культуры – «Соборность и дуализм». «Соборная мифология» и сопутствующие ей «гипертрофированный холизм», установка на «естественное единство» и «отсутствие эффективных и специализированных институтов» не могли не породить социальную аморфность. Модернизация общества, начатая «перестройкой» предполагает переход от «мистического единства» к «ценностной ориентации», однако процесс этот отнюдь не бесконфликтный, выражением чего является, к примеру, «поиск врага» (внутреннего и внешнего, как средства воссоздания прежнего «единства»). По этим причинам и поиск «нового консенсуса в области базовых ценностей» – процесс исторически весьма непростой, включающий и «возвратные движения» [2. С. 233-259].

⁷ В истории России это приобрело особый по масштабу и даже символический смысл: от лозунгов «русской демократической республики» в феврале 1917-го до «мировой революции» и «всемирного царства свободы», уже после «Октября», от менее «планетарных», но не менее громких обещаний «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», до совсем уже недавних «осуществления жилищной программы», или «создания 20 миллионов новых рабочих мест»... Под этим углом зрения страна живет в нескончаемой череде весьма притягательных, на первый взгляд, «лозунгов-обещаний»: теорий, концепций, основ политики, стратегий, программ, планов выполнения всех многочисленных упомянутых «документов» (были

жанное частью общества, которое не только «обманываться радо», но и воспроизводит эту константу в собственном коллективном и коллективном поведении) порождает устойчивое в массовом сознании ощущение «недоверия к власти», «обманутых ожиданий», неизбежного «конца иллюзий», «потерянности во времени». В результате этого расхождения, что особенно важно для будущего состояния общества, формируются предпосылки для особого «травмированно-пессимистического» общественного сознания и мировидения, вытесняющего у части социума «оптимистичное» видение перспектив, абсолютно необходимого для решения задач развития;

- неразвитость «гражданского общества» (в отличие от англо-саксонского, а затем и европейского опыта, где его становление исторически, в отличие от России, было центральным вопросом). Эта тема имела совершенно иное историческое развитие в России (вспомним «соборность» и «единство партии и народа» в разные периоды истории), и речь не идет сегодня о немедленном «заимствовании зарубежного опыта». Вместе с тем, информатизация публичного пространства и появление в России развитых социальных сетей дает принципиально новые возможности для формирования гражданского общества. Это тем более необходимо, учитывая, что в XXI веке эта, на первый взгляд сугубо «внутренняя тема» трансформировалась в «базу для сравнения» и оценок «демократичности» всех других «политических культур»;

- порождаемая предыдущими особенностями «внутренняя противоречивость» русского сознания, упомянутая ещё Н. Бердяевым в его «Русской идее», которая даёт методологически важный объяснительный концепт «индивидуально-психологической» мотивации восприятия и поведения «субъектов» и «объектов» российской политики;

- отмеченная противоречивость находит своё выражение и в «неудовлетворенности настоящим» и, вместе с тем, «принятие необходимости сильной власти», «склонности к спонтанному неподчинению и наси-

лию» и «многолетнее подчинение произволу», знаменитое «долготерпение» русского, а потом и советского человека, и, напротив, «взрывной характер» массового поведения в переломные периоды истории;

- российская история (в том числе последних десятилетий) ставит вопрос о наличии проблемности в формировании устойчиво-рационального политического выбора в избирательном поведении, его периодически проявляемое непостоянство (от 99% поддержки на выборах, до 85% неучастия в них). Существенным следствием такого положения является и предпочтение, традиционно отдаваемое у нас «единству мнений» и острая реакция на «инакомыслие», независимо от его природы и направленности⁸.

- из этих «констант» национальной политической культуры рождается и специфическая особенность публичного позиционирования российской власти, её ориентация как на российское общество, так и (в разной степени, в зависимости от «синусоиды» взаимных и международных отношений), непременно, на «внешнего наблюдателя» - прежде всего Запад. «Забота о внешней реакции», пусть даже ценой «создания видимости», часто довлеет у нас в политической практике над трезвым и критичным признанием реально существующего положения дел⁹.

Перечисленные выборочно особенности российской политической культуры, не претендуют на полноту и не обязательно в каждом случае несут «печать уникальности», а тем более не претендуют на некое «превосходство» - они просто «даны» нам историей, имея схожие черты в политических культурах некоторых других стран. Эти особенности не жесткие «списочные» константы и они каждый раз микшируются, являясь, прежде всего, следствием совокупности объективных социально-политических обстоятельств. Для дальнейшего изучения и понимания «общего» и «особого», на мой взгляд, очень поможет отмеченная ещё Н. Бердяевым в «Русской идее» глубокая, хотя и недостаточно раскрытая до сих пор, мысль о причинах коренно-

среди них и «сбывшиеся», но те – отдельный разговор). «Слова-обещания» не только преимущественно неосуществлённые на практике (проблемы эффективности управления и контроля исполнения остаются слабым местом российской системы управления со временем просто «изымаются» из сферы общественного внимания.

⁸ В этом, кстати, мы заметно отличаемся от западной политической культуры, где существенно меньшее значение уделяется «единомыслию», и, к примеру, победа на выборах с преимуществом в 0.5% рассматривается, как абсолютно «нормальное (неоспоримое для массового сознания) явление».

⁹ «Потемкинские деревни», вошедшие во все мировые языки, как утверждают некоторые историки, хотя и были не более, чем «выдумками заграничных недругов», но, тем не менее, как стереотип и символ поведения, остались до сих пор с нами - любовь к «казаться», вместо «быть» крепко засела в русских «начальных» головах.

го отличия русского сознания от западного: нам свойственна «сила стихии» и «слабость формы». Она не говорит об ущербности или преимуществе каждого из двух понятий для социума, но скорее о некоей базовой «инаковости» российского сознания, а вслед за ним и политической культуры. «Слабость формы» в переводе на современный язык политологии – это, прежде всего, хроническая трудность в «наладке и запуске» эффективно и стабильно «работающей на улучшение» организации российской власти, управления и общества, а на базовом уровне социума – трудности самоорганизации.

Отсюда и последняя (в порядке перечисления, но не значимости) «константа» российской политической культуры – *непоследовательность и переменчивость в политическом развитии в целом* (четыре, как минимум, революционных поворота страны за сто лет – где ещё в мире столь явно заявила о себе «стихия» массового сознания! ... кажется, что мы подчас предпочитаем «разрушать и строить заново», а не «улучшать существующее»). В заключение, как итог перечисленных выше «особенностей», хотелось бы напомнить известные, но по-прежнему наполненные скрытым смыслом и так и не «расшифрованные» доньше на современный политологический язык слова Посла Франции в Петербурге в 1917-м Мориса Палеолога, записавшего в своём дневнике в дни революции: «Удивительно, я не знаю другого народа, более внушаемого, чем русский».

Политическая культура и модернизация: некоторые проблемные вопросы

Итогом этих исторически данных характеристик российской политической культуры (некоторые из которых идут из прошлой, общинно-православной и самодержавной русской политической традиции, другие из появившихся после 1917 и 1991 годов) может быть разделяемый многими авторами вывод о хроническом запаздывании России от происходящих на Западе цивилизационных процессов. Отсюда периодически возвращающиеся к нам идеи о «необходимости изучения зарубежного опыта», в лучшем случае через адаптацию его к российским условиям, а чаще – путем прямого заимствования, несмотря на все различия социально-культурного плана между Россией и Западом, увы, с предсказуемо иными результатами, нежели обещанные и ожидавшиеся. Другие авторы воспринимают сложившуюся в России политическую культуру как почти неизбежную «историческую данность» и предлагают исходить из не-

обходимости лишь её совершенствования, а не преодоления. Представляется, что в плане практической политики гораздо более значимыми, нежели продолжение теоретизирований на эту тему, были бы выводы и рекомендации о том, в какой степени эту «данность» следует учитывать в грядущей (очередной) модернизации современного российского общества.

По итогам краткого рассмотрения особенностей российской политической культуры встают и более фундаментальные вопросы, которые представляются ключевыми для понимания происходивших за прошедшие сто лет во внутренней и внешней политики России процессов: существует ли принципиальная вероятность бесконфликтных глубоких преобразований («преодоления пропасти одним прыжком»)? Насколько потенциально проблематичны (и в чём конкретно) столь радикальные переходы от одного общественного устройства к другому, как это имело место в 1917, равно как и в 1991-м? Готов ли социокультурный уровень самого субъекта модернизации (народа и общества) к выполнению выдвинутых новых задач и перспективных целей, а если не совсем, то какова цена и последствия этого разрыва между «целями» и «ресурсной базой» (с учетом того, что состояние «субъекта преобразований» тут не «дополнение к материальным ресурсам», а главное условие успеха!)? Не являются ли искомые всеми реформаторами перемены в «экономической культуре» и «правовой культуре» функциональными «подсистемами» «политической культуры»? Возможно ли длительное стабильное развитие страны, её хозяйства и общественных отношений при столь очевидном разрыве между онтогенезом и филогенезом развития самого человека в истории? И последнее (по очереди, но не по значению) – готово ли политическое руководство страны учитывать все вышеперечисленные вопросы при формировании, выборе и осуществлении политического курса? Представляется, что все это вопросы отнюдь не только теоретические, но они достойны серьёзного рассмотрения политологами, ориентированными на практику и экспертами по научному управлению, без чего трудно рассчитывать на адекватную интерпретацию прошлой, текущей и перспективной практической политики в нашей стране. В этом свете отнюдь не тривиально звучит сегодня «вопрошание» из упомянутой выше статьи А.С. Ципко: «Все особенности русского национального характера, которые позволили большеви-

кам легко обмануть «крестьянина в солдатской шинели», действительно сохранились по сей день. Прямолинейность мышления, максимализм, скачки из одной крайности в другую, принцип «все или ничего», отсутствие личности, сознание временщика, не задумывающегося о последствиях русского «что хочу, то ворочу», страх перед собственным мышлением, распределительный подход в экономике, настроение жертвенности, русское долготерпение, вечный поиск врагов вместо признания собственных ошибок и просчетов. Русская архаика действительно жива, именно она является тормозом для современной России» [7].

В данной статье и была сделана попытка ответить на эти вопросы, в надежде, что это поможет понять, почему эти особенности политической культуры столь долго сохраняются, можно ли «ослабить» действие этого «тормоза», оставляя в стороне главный – при каких условиях «политическая культура» способна стать

подспорьем, а не «обузой» в развитии страны. Представляется, что все это вопросы отнюдь не только теоретические и достойны серьезного практического рассмотрения, без чего трудно рассчитывать на адекватную интерпретацию прошлой и ставить задачи для текущей и перспективной политики нашей страны.

Заключение

Важно подчеркнуть в заключение, что перечисленные «константы» российской политической культуры имеют не только важнейшее внутривластное значение для решения задач управления и модернизации, но и своё продолжение во внешнеполитическом измерении¹⁰. Здесь мы подходим к теме «культурно-морфологических основ» и «особенностей практики проведения» российской внешней политики (т.е. к «внешнеполитической культуре»), которую, в силу её значимости, целесообразно было бы рассмотреть в отдельной работе.

Литература:

1. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах. М., 2014.
2. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Становление институтов представительной власти в современной России, М., 2004.
3. Викторов В.В. Российская цивилизация: тенденции развития от истоков к современности. М., 2013.
4. К 100-летию Русской революции // Мир перемен. № 4. 2017.
5. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М., 2008.
6. Хрусталев М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза. Очерки теории и методологии. М., 2008.
7. Ципко А.С. Бессмертный дух русского экстрима // Независимая газета. 5 февраля. 2018.
8. Торкунов А.В. Исторический опыт Октябрьской революции // Политический класс. 2007. № 36 // Торкунов А.В. По дороге в будущее / Ред.-сост. Мальгин А.В., Чечевишников А.Л. М., 2010.
9. Енгибарян Р.В. Многоликая демократия: время переоценки ценностей // Международная жизнь. 2017. № 9.
10. Березко В.Э. Либеральные меры и сильная власть // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 7.
11. Сардарян Г.Т. Политические проблемы регионализации Италии. М., 2016.

SPECIAL FEATURES OF RUSSIAN POLITICAL CULTURE: HISTORY AND THE MODERNITY

¹⁰ К примеру, только совместив и применив перечисленные выше «константы» (вместе с необходимыми поправками на «время» и «место»), мы сможем подойти к пониманию одной из особенностей российской внешнеполитической культуры – чрезмерной «озабоченности имиджем», острое неприятие как «любовой», так и даже латентной критики извне. От смиренного «выслушивания уроков», через молчаливое и долго накапливаемое недовольство, Россия способна тогда перейти к ответной (резкой и нередко чрезмерной) реакции. И тогда уже не столь важно, была ли такая реакция намеренно спровоцирована извне, или вызрела внутри самой России, была ли она обоснована, или упрекала нас в том, что нигде в мире пока не решено. Именно в этой фазе «сменяющихся циклов» мы и пребываем в настоящее время.

Introduction. The article is dedicated to the analysis of some basic characteristics of Russian political culture, in particular in the post October 1917 Revolution' period. At the same time it was underlined that these characteristics were not a simple "print" of "October Revolution" but have their roots far in the past, including some ontological components. The basic elements of Russian political culture (far from being fully described in this article) are presented with reference to the practice of Russian government's activities. The controversial nature of correlation between Russian political culture and radical changes in Russian politics in the 20th century was also put forward.

Materials and methods. Methods of scientific cognition, abstraction, generalization, analysis, synthesis, and comparative methods were used in the course of research and presentation of the theoretical approaches of Russian and foreign researchers related to "political culture". Russian political history of XX century, and beyond, provided large scope of necessary materials for this article.

Results of the study. The analysis of Russian

political culture has as its outcome the presentation of a hierarchy of "elements" including the basic ones and many additional which are also present and acting in social and political practices in modern Russia.

Discussion and conclusions. The study shows that "political culture" is not only an abstract concept within a political science and theory, but also a very important "operational tool" for decision-making process and practice of government. The lack of an adequate perception of acting political culture by a political elite might create an important distortion especially during radical social changes. In conclusion the author announced the topic of his further research on the "culture of Russian foreign policy" based on the findings of this article.

Alexey Kozhemyakov,
Doctor of Science (Law), Visiting Professor
with the School of Governance and International
Affairs, MGIMO-University under the
MFA of the Russian Federation

Ключевые слова:

Россия, Великая Революция 1917 года, особенности российской политической культуры, российская политическая культура и практика управления в XX веке, политическая культура и политический режим России, политическая культура и идеология

Keywords:

concepts of political culture, Russian political culture, political history of Russia in XX century, political regime in Russia, practice of Russian government, political culture and ideology

References:

1. Almond G. Verba S., 2014. Grazhdanskaya kultura. Politicheskiye ustanovki i demokratiya d pyati stranakh [Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations]. Moscow.
2. Biryukov N.I., Sergeyev V.M., 2004. Stanovleniye institutov predstavitelnoy vlasti v sovremennoy Rossiji [The Establishment of Institutes of Representative Power in Modern Russia]. Moscow.
3. Viktorov V.V., 2013. Rossijskaja zivilizatsija: tendenziji razvitija ot istokov k sovremennosti [Russian civilization: trends of development from its origins to modernity]. Moscow.
4. K stoletiyu russkoj revolyutsii, 2017. [On the 100 years anniversary of Russian Revolution]. *Mir peremen [The World in Changes]*. № 4.
5. Sukharev A.V., 2008. Etnofunkcionalnaja paradigim v psikhologii [Ethnic and functional paradigm in psychology]. Moscow.
6. Khrustalev M.A., 2008. Analiz mezhdunarodnikh situatzij i politicheskaja ekspertiza. Otcherki teoriji i metodologii. [Analysis of international situations and political expertise. Notes on Theory and Methodology]. Moscow.
7. Tzhipko A.S., 2018. Bessmertnij dukh russkogo ekstrima [Immortal spirit of Russian extreme]. *Nezavisimaja gazeta [Independent Newspaper]*. 5 February.
8. Torkunov A.V. Istoricheskii opyt Oktiabr'skoi revolyutsii [Historic Experience of the October Revolution]. Politicheskii klass [Political Class]. 2007. № 36. *Torkunov A.V. Po doroge v budushchee [On the Road to the Future]*. Red.-sost. Mal'gin A.V., Chechevishnikov A.L. Moscow, 2010.
9. Engibaryan R.V., 2017. Mnogolikaya demokratiya: vremya pereocenki cennostej [Multifaceted Democracy - It's Time to Re-Evaluate Values]. *Mezhdunarodnaya zhizn' [International Affairs]*. № 9.
10. Berezko V.E., 2016. Liberal'nye mery i sil'naia vlast' [Liberal Measures and Strong Power]. *Gosudarstvennaia vlast' i mestnoe samoupravlenie [State Power and Local Self-Government]*. № 7.
11. Sardaryan G.T., 2016. Politicheskie problemy regionalizatsii Italii [The Political Problems of Italy Regionalization]. Moscow.